

Игорь МУХАНОВ

ГРОЗА С ФИЛАРЕТОВОЙ ГОРЫ

Гроза с Филаретки совсем другая:
мотки, каретки и перья птичьи,
и в небе строгом
 река догорает,
как бы на карте, но — речью кличет.
Зовет, мотает
 на ус и счетчик:
«Ты — кто? Какие имеешь
 вѣны?»
Гроза с Филаретки — чернорабочий:
ключом слесарным возьмет и двинет!

ОГОРОД

В зеленом небе огорода
созвездья плавают малины,
смущая дух прозрачным ходом
переплетающихся линий.
В зеленом небе все возможно:
и танцы мошек над цветами,
и шелестение горошин,
открывших пасть гиппопотамью.
О, гиря фруктов огорода
и овощей подземный щебет,
когда ветров проходит рота
просторным коридором в небе!
Внимает паутина мухе,
паук галантен, как придворный,
и все подчинено науке,
команде солнечного горна!

Игорь Леонидович Муханов — поэт, прозаик, собиратель волжского, бурятского и алтайского фольклора. Родился в 1954 году в г. Бузулуке. Окончил Самарский государственный университет по специальности «физика» и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького. Член Союза писателей России, член правления Союза писателей Республики Алтай. Автор 10 книг стихов и прозы. Лауреат национальной премии в области литературы, учрежденной Традиционной буддийской Сангхой России (2012), литературной премии имени Сергея Есенина «Русь моя» (2016), обладатель Гран-при Петровской академии наук и искусства (2019). Печатался в журналах «Дружба народов», «Урал», «Сибирские огни», «Дальний Восток» и других. Живет на Алтае.

Вздыхает праздничная лейка,
и шелестит листом капуста,
и сходят маленькие реки
с лицом поэта Заратустры.
Малина машет опахалом
и хочет взять реванш у меда,
и мыслит в полдень петухами
сухая жаркая погода.
Останови движенье чисел,
часов и бабочек на клумбе,
и здорового лишится смысла
червяк в своем подземном клубе.
Летает, ползает, щебечет,
цветет и зреет час от часа
под патронажем человеческим
биологическая масса.
И взяв в заложники вниманье,
с каким на все взирает полдень,
сухие ванны принимает
в издавшем виды огороде.

ПУШКИН

Что лягушка Басё?
Опекунша
по лекалу отлитых берез!
Из ее прорезиненной туши
Волга-речка
начало берет.
То ли дело юнец царскосельский,
и гусиные перья с утра,
и чернила, и музыка плеска,
и стихов золотая гора.

ЛОШАДЬ, ПРЫГНУВШАЯ НА ПЛЕЧО ТАРАКАЯ¹

Лошадь длинная, как река, —
есть ли в самом деле такая?
Повернулась наверняка
и сошла с картин Таракая.
Ржет. Смешна ей людская жизнь,
у которой лицо кукушки,
и смартфоны, и этажи,
и кредиты в банке — игрушки.

¹ Таракай — алтайский художник, рисующий лошадей, бегущих наперегонки с ветром и как бы растянутых в своем движении.

«Превратил свободу народ
в философию мертвых буден!»
Лошадь прыгает, и поет,
 и уснувшую землю будит.
«Хочешь, птицей стану ночной?
Шумным кедром? Прозрачным эхом?»
Лошадь прыгает на плечо
Таракаю и ржет от смеха.

ДЕВЯНОСТЫЕ

Он торговал с утра самшитами,
украденными с пароходов,
он продавал тельняшки, сшитые
из пешеходных переходов.
Он ждал у памятника Кирову
любовь, как ждут
 трамвай последний,
он очень строго игнорировал
овчарок, пущенных по следу.
Да кто он?
 — Годы девяностые!
Он — та страна, что с толстосумами
писать стихи гвоздями острыми
на спинах девочек придумала.
Он — моль,
 он — мел,
 он — мол, украденный
у побережья черноморского,
и переплавленная платина,
и переправленная родина.
Таким запомнил я очкарика,
читавшего когда-то Пушкина,
лихого времени комарика,
влюбленного в заветы Плюшкина.
Прощайте, годы девяностые,
из вас река течет
 кровавая,
от вас унылыми погостами
доныне пахнет, как отравой.

МЕТАМОРФОЗЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Наказывали —
 писать надо скромно,
увещевали —
 писать надо гладко,

чтобы читателю было удобно,
чтоб булькало в сердце,
свистело, как галька.

А если вонючие грыжи соседства
с крамолой и мукой вспухали, как дамбы,
лечили испугом и дырочкой в сердце,
и в ночь уносили,
и плакали дамы.

Но вот «пауки» расселились по миру:
à la микросхемы на тоненьких ножках.
Исчезли запреты, забылись могилы —
печатайся всюду

легко и дотошно!

Водил Интернет, как Сусанин по лесу,
безусых мальчишек по сайтам и блогам.
Взлетала со свистом

петля интереса

и падала в пыль,

и терялась дорога.

«Свобода! — гремел цифровой Победитель,
стирая засохшую кровь с пьедестала. —
Танцуйте метелями!

Морем дышите!»

Но что-то поэтов рождаться не стало.